

**В.В. Трегубенко,
С.И. Линец**

Немецкая оккупационная политика в области религии на Северном Кавказе 1942-1943 гг.

В годы Великой Отечественной войны влияние на людей религии многократно возросло. В ней нашли утешение и черпали силы для труда и жизни многие верующие жители Северного Кавказа. Сострадание, бескорыстие и многие другие качества, отличающие верующих людей, помогали выжить тем, кого война лишила всего.

Русская Православная Церковь в это тяжелое для советского народа время встала на патриотические позиции. Такая патриотическая деятельность религиозных организаций выражалась не только в обращениях и посланиях. Сохранившиеся в душах людей чувства сострадания и милосердия, любви и братства нашли своё предметное воплощение в массовых пожертвованиях средств на нужды обороны страны. В первые месяцы войны в Ставропольском крае сбор верующими средств в фонд Оборона не мог быть значительным, поскольку к 1942 г. здесь действовало лишь 14 храмов. После освобождения Ставрополя от оккупантов в январе 1943 г. местные церковные общины возобновили сбор пожертвований. В целом же за годы Великой Отечественной войны сумма взносов всех ставропольских церквей в фонд Оборона составила 6,13 млн руб. [1].

Тем не менее, советские властные структуры сохранили негативное отношение ко всему, что можно было отнести к религии. Советское правительство создавало препоны в расширении деятельности священнослужителей среди населения, что было на руку гитлеровцам. Для укрепления своего положения на Северном Кавказе оккупанты противопоставили свободу вероисповедания воинствующему атеизму большевиков.

Летом 1942 г. Северный Кавказ был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. Немецкие оккупационные власти в области религии проводили выгодный для себя курс. Главной задачей религиозной политики оккупантов являлось ослабление и подрыв основ советской власти на Северном Кавказе. Ещё в апреле 1942 г. Гитлер в кругу своих соратников по нацистскому руководству заявил: «...В наших интересах, чтобы в каждой деревне была своя секта... Даже если в тех или иных деревнях возникнет культ колдовства, как у негров или

индейцев, мы будем это только приветствовать. Это усилит разъединение в русском пространстве» [2: 393].

Оккупировав Северный Кавказ, немцы объявили о свободе вероисповедания, о начале возрождения религиозных традиций. Если ранее советские власти принимали распоряжения, запрещавшие верующим отмечать православные праздники, то фашисты, напротив, разрешили отмечать их. Возрождался из забвения православный календарь, в котором были перечислены все 70 дней христианских праздников. Население, прожившее ещё в царское время, встретило с одобрением начинания оккупантов. На страницах оккупационных газет широко освещалась религиозная политика немцев. Помимо панегириков освободителям-немцам, в газетах публиковался материал о гонениях Советской власти на Русскую Православную Церковь. В одном из номеров газеты «Новое слово», выходившей в Таганроге, подчеркивалось, что в царской России насчитывалось около 50 тыс церквей. Большая их часть к началу 40-х годов была закрыта. Только в 1935 г., по данным НКВД, отмечалось в газете, прекратило свое существование 14 тыс церквей [2: 395].

Немецкие оккупационные власти содействовали возрождению закрытых большевиками храмов, церквей и святых мест, возведению новых. Здания церквей, переделанные большевиками в 20-30-е годы под склады, амбары, общественные здания теперь снова обретали свой прежний вид. До прихода немцев на территорию Ставропольского края церкви действовали в 10 городских и районных центрах, а к концу 1942 г. во вновь образованной епархии было уже 16 церковных общин. На территории Кубани функционировало всего лишь 7 церквей, а при немецком «новом порядке» было открыто 100 церквей и молитвенных домов тихоновского и 92 обновленческого направлений. За короткий срок после начала оккупации церкви и молитвенные дома были открыты в станицах Темнолесской, Темижбекской, Рождественской, Баклановской, Григорополисской, а также в селе Донская Балка. В Ростове-на-Дону к концу августа 1942 г. богослужения проходило в четырех церквях и четырех церковных приходах. Власти готовились к открытию и проведению служб ещё в трех церквях [2: 396].

Всего, согласно отчету Совета по делам Русской Православной Церкви от 1 января 1948 г., на временно оккупированных территориях СССР немцами было открыто 7547 церквей и храмов, в том числе в РСФСР – 2150. В Ростовской области оккупационные власти открыли 243 церкви и храма, в Краснодарском крае – 229 и в Ставропольском крае – 127 [3].

Росло число не только православных общин, но и других религиозных сект. В то же время на территории Ставропольского края была

запрещена оккупантами враждебная православной церкви обновленческая церковь. Обновленцы вели борьбу с Русской Православной Церковью, поэтому советская власть относилась к ним лояльно. Русская Православная Церковь по планам немцев, должна была стать одной из их опор на Северном Кавказе, а обновленцы подтачивали эту опору. С другой стороны, возобновлялась деятельность старообрядческой церкви на Северном Кавказе. К примеру, началась подготовка к открытию старообрядческой церкви в Ессентуках. Всех старообрядцев призывали жертвовать на восстановление храма иконы, церковные книги, инвентарь, строительные материалы и денежные средства. В Пятигорске немецкие власти разрешили местным католикам восстановить костел, невзирая на сложные отношения гитлеровцев с католической церковью.

Для достижения политических целей оккупанты стремились восстановить христианские традиции. При их активном содействии церковь снова начала участвовать в проведении гражданских актов: бракосочетания, крещения детей, отпевания покойников. Для оккупантов это был крайне важный момент в проведении политики привлечения жителей городов и сел Северного Кавказа на свою сторону. О проведении такого рода мероприятий заблаговременно и обязательно сообщалось в местной печати. Так, к примеру, в газете «Заря», издававшейся под патронажем немецкой власти, в начале сентября 1942 г. было помещено объявление. Его текст гласил: «13 сентября с.г. в воскресенье, после литургии в помещении Ессентукского Городского Управления будет отслужен молебен с водосвятием по случаю начала работ в Городском Управлении» [2: 402].

Открывая новые церкви и храмы, германское командование столкнулось с проблемой нехватки подготовленных священнослужителей. Для решения этого назревшего вопроса были приняты меры по организации специальных подготовительных курсов. В Пятигорске, к примеру, в октябре 1942 г. в этих целях была открыта воскресная школа по подготовке священнослужителей. В Ростове-на-Дону в начале сентября 1942 г. несколько представителей духовенства были посвящены в священники с правом самостоятельной работы в приходах. Но прежде чем они приступили к работе и к общению с верующими, с ними проводили переэкзаменовку, т.е. своего рода испытательный экзамен. Лишь выдержав его, священники могли работать с прихожанами.

Вместе с православной церковью признали оккупационную власть и служители армяно-грегорианской церкви. Немецкие захватчики не преминули ответить на поддержку армяно-грегорианской церкви лояльностью. Так, в Пятигорске с сентября 1942 г. началось восстановление церкви имени Саака и Месропа. До этого она была действующей до 1918 г., а затем, с установлением Советской власти была закрыта большевиками. Теперь же, при немцах, её восстановили на средства

верующих армян. Все ремонтные работы были успешно закончены, и 22 ноября состоялось торжественное освящение церкви [2: 404]. Армянское население Пятигорска и других городов встретило возрождение церкви с воодушевлением и энтузиазмом. И все же на оккупированной территории Северного Кавказа с немцами сотрудничала незначительная, меньшая часть служителей армяно-грегорианской церкви.

Германское руководство планировало использовать в войне против СССР исламский фактор. Под флагом ислама гитлеровцами был объявлен «газават» против большевистской власти в надежде на то, что этот призыв найдет широкую поддержку среди всех мусульман Советского Союза. В нацистских средствах массовой информации была развернута широкомасштабная работа по вовлечению горцев в это движение. В пропагандистских целях командующий 1-й немецкой танковой армии Макензен принял ислам. Сделал он этот неожиданный шаг в конце ноября 1942 г. во время напряженных боев с советскими войсками на Северном Кавказе [2: 406].

В отношении горцев Северного Кавказа оккупационные власти проводили весьма лояльную политику с надеждой получить в ответ такое же отношение к немецкой армии. Следует заметить, что у гитлеровцев были радужные надежды на понимание и поддержку их политики мусульманами Северного Кавказа. Большевистская власть своей довоенной антирелигиозной, в том числе антиисламской воинствующей политикой, сама подготовила почву для этого. Как известно, в 30-е годы по обвинению в антисоветской деятельности была арестована большая часть мусульманского духовенства. Многие из них умерли в лагерях ГУЛАГа или были расстреляны. Из 2507 мусульманских общин к 1941 г. в СССР их осталось только 12, т.е. меньше 1% от первоначального количества [2: 407].

Во многих населенных пунктах Северного Кавказа, где жили мусульмане, оккупационные власти вновь восстановили должности мулл и старших мулл. В должностных правах и в денежном довольствии их приравнивали к главам администраций городов и сельских населенных пунктов. Проводя карательные акции, гитлеровцы использовали мулл для оправдания массовых расстрелов советских патриотов и мирных граждан. В частности, такие факты имели место зимой 1942-1943 гг. на территории Кабардино-Балкарской АССР.

Как и священникам православной церкви, исламским служителям была оказана поддержка в возрождении мечетей. В Кисловодске через две недели после установления оккупационного режима решением городской управы была открыта мечеть. Во многих аулах Адыгеи с разрешения немецкого командования также были открыты мечети. Показывая свое особое отношение к местному мусульманскому населению, гитлеровцы меньше использовали на хозяйственных работах адыгов, чем русских, армян, украинцев и т.д.

Такой же демонстрацией дружелюбия и уважения к горцам стало решение германского военного командования на Северном Кавказе об установлении, согласно мусульманским обрядам, еженедельного отдыха – пятницы. О том, с какой тщательностью и осторожностью оккупационные власти относились ко всем тонкостям мусульманской религии, свидетельствует содержание предписания от 8 декабря 1942 г. В нем говорилось: «Доведите до сведения населения, что содержание свиней в кабардинских селениях по мусульманским законам не допускается. Примите меры, чтобы имеющиеся свиньи были размещены на окраине сел и содержались в помещениях» [2: 408]. Это напоминание было адресовано, в первую очередь, немусульманскому населению Кабардино-Балкарии, которое уже просто перестало обращать внимание на такого рода нюансы. В довоенное время в местах проживания горцев в колхозах нередко строили свинофермы, а колхозники держали свиней на своих подворьях. Стало быть, немецкие оккупанты, пришедшие на Северный Кавказ в качестве завоевателей, демонстративно подчеркивали более уважительное отношение к религиозным чувствам мусульман-горцев. Враг умело воспользовался в своих интересах ошибками большевиков.

В целом же фашисты сумели извлечь выгоду для укрепления своего оккупационного режима из недальновидной, жесткой, репрессивной, антирелигиозной политики Советской власти. Оккупанты демонстрировали веротерпимость, всячески стараясь не ущемлять чувства верующих всех религий и религиозных течений, существовавших тогда на Северном Кавказе, уважительно относясь ко всем конфессиям. В целом можно сделать вывод, что на оккупированных немцами территориях в годы Великой Отечественной войны проходил процесс церковного возрождения.

Библиографический список

1. *Васильева, О.Ю.* Русская православная церковь в 1929-1943 гг. [Текст] / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1994. – №4.
2. *Линец, С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) [Текст] / С.И. Линец. – Ростов-на-Дону, 2003.
3. *Васильева, О.Ю.* Особенности религиозной жизни на временно оккупированной территории [Текст] / О.Ю. Васильева // Церковь в истории России. Сборник №4. – М., 2000. – С. 228.